

БОРОНИЙ ЗУБ

Цена отдельного номера 10 к.
КРЕСТЬЯНСКИЙ ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ журнал

Издание газеты

«БОРОДА»

Адрес конторы и редакции: Кострома, Советская, 13.
Телефон № 3-64.

№ 10-11 (20-21)

Октябрь-Ноябрь

1927.

Эх, раз двинем!... десять раз двинем!!.

Октябрьские пожелания „Боровьего Зуба“.

Крестьянину-передовику.

Учтя прожитый строй годов,
А их не мало—целых десять,
Желаю столько снять плодов,
Что в целый год не перевесить.
Пусть нива вечно колосится,
Пусть урожай сам-двадцать пять...
Пушай буржуй на нас косится,
Нам на него давно плевать.

Сельскому учителю.

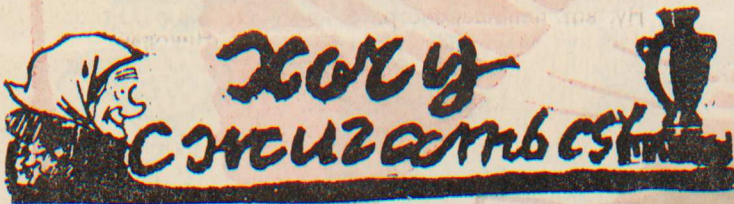
Желаю так поставить дело,
Чтоб школа первой была,
И чтоб учебники имела
И в досталь света и тепла.

Деревенскому партийцу.

„Зуб“ без иронии, без смеха,
В строке понятной и простой
Желает полною успеха
В работе с сельской бедной.

Участковому агроному.

Лен, клевер, рожь — твое раздолье,
Ты у крестьян всегда в чести,
Так потрудись на многополье
Участок свой перевести.

В Москве открылся первый в России крематорий для сжигания трупов.

Когда 10-летний Мишка вернулся из пионерского лагеря домой, то его 78-летняя бабушка Ефросиния чуть-было не бухнулась ему на шею.

— Ах, ты, пострел эдакий! Ах, ты хороший мой! Ах!..

Мишка деловито остановил бабушку:

— Подожди бабушка, не ахай! Тут я для тебя подарочек привез...

Но бабушка не унылась:

— Ах, ты, Мишутка мой! Ах, ты сякой-такой!

Когда-же Мишка вынул из-за пазухи „подарочек“, бабушка совсем ахнула:

— Да вить это-ж газета!—сказала она.— А я вить некурящая! Мишке не понравилась бабушкина несознательность. И потому он сказал:

— Куренье — опиум для народа!.. А тут вот сказано, как тебе сжигать, бабушка. И Мишка торжественно развернул газету.

А затем прочел:

„В Москве на территории Донского монастыря открылся крематорий для широкого сжигания трупов“.

— Тьфу! — перекрестилась бабушка Ефросинья, — неужто в Москве дров нехватает?

Но Мишка не обратил на бабушкино ехидство никакого внимания и бесстрашно продолжал читать:

„Процесс сожжения длится до 1 час. 30 минут. Останки представляют собою белую крупчатую массу, общий вес которой составляет около 4 фунтов“.

— Ишь-ты! — протянула Ефросиния— Неужто белую крупчатку приставляют? Да еще по 4 фунта!..

Но в это время Мишка, бросив на пол газету, подбежал к бабушке, уселся у нее на коленях и заявил:

— Ну, значит, бабушка, так—я тебя сжигаю в первую очередь.

Грозный шаг.

— Эх, раньше-то на параде так шаг печатали, что за версту было слышно!

— А теперь, гражданин, этот шаг даже за границей слышат

Бабушка опешила. Во-первых, она хотя и говорила часто, что ей „помирать скоро придется“, но фактически-то умирать она еще не собиралась. А, во-вторых, как-же это крещеному человеку на манер поросенка в печке жариться? Одним словом, бабушка рассердилась.

— Ах, ты, сопляк паршивый!—закричала она на Мишку— Неужели ты хочешь, чтоб я бросила тебя и ушла к тетке Дарье?

Так как Мишке жалко было расставаться с бабушкой, то он решил сагитировать ее.

— Ты подумай, бабушка, как это хорошо!..

И он рассказал бабушке, что сжигаться гораздо лучше, чем гнить в земле.

— И красивее, и чище, и культурнее,—сказал он,— А главное, что черви тебя есть не будут...

Но бабушку Ефросинию черви мало трогали. Ее больше беспокоила мысль на счет панихиды.

Мишка-же, уловив ее мысль, величественно произнес:

— Тем более, что перед сжиганием можно совершить панихиду не только гражданскую, но и церковную...

— Да неужто панихидку можно? — заинтересовалась бабушка.

— Можно! ответил Мишка, но тут-же подумал, что „панихида— опиум для народа“...

Бабушка все-таки колебалась. Тогда предприимчивый внук пустился на хитрость. Он подошел к ней и нежно сказал:

— А если ты не хочешь сжигаться бабушка, тогда я раньше тебя умру и ты меня сожжешь. Ладно?

Бабушка Ефросиния не на шутку перепугалась.

Очень уж она любила Мишку.

И потом — лучше уж самой сжечься, чем сжигать других—решила она.

С этим решением бабушка Ефросиния и отправилась в вол-исполком записаться в очередь „на крематорию“.

Секретарь волисполкома, Страничкин, сидевший за разборкой бумаг, „которые входящие, и которые исходящие“, долго не мог понять чего „эта старушка“ хочет.

— Не иначе как баба с ума спятила,—думал он. Но бабушка Ефросиния все время долбила свое:

— Сжигаться, милой, хочу!.. Запиши в крематорию на первую очередь!..

Дело дошло до „самого“ предволисполкома, тов. Гузикова. А тов. Гузиков, как „представитель широких трудящихся масс“, обругал тов. Страничкина за бюрократизм и волокиту и потом „приказал“:

— Пиши, тов. Страничкин, доношение в центр!.. Пиши, а я продиктую.—И продиктовал:

„Дорогие товарищи! Ввиду приближения десятилетия Октябрьской революции, а также по случаю запроса трудящихся, просим прислать в наше распоряжение на предмет выдачи населению 4 трактора, 2 сеялки, 5 молотилок и 3 крематория...“

С товарищеским приветом Предволисполкома Гузиков.

Секретарь Страничкин“...

Д. Ляховец.

Летом 1916 г. приехавший с войны домой на поправку после ранения крестьянин дер. Потылица, Силантий Легковеров, был вызван к старшине для переговоров насчет недоимки.

От старшины он вернулся какой-то скучный, вялый. Держась за щеку, он тяжело опустился на скамью за столом и уронил на столешницу голову. Потом встал и сказал:

— Что-то недужится. Пойду в село, к фершалу...

До села Силантий не дошел—упал на дороге. Его там нашли на другой день мертвым и похоронили.

Специалисты по церковным кражам, „из духовного звания“, как они себя называли, Жоська Брежун и Ванька Модный сговаривались пойти на „дело“—обокрасть недавно схороненного бывшего торговца Пузиков. Ходили слухи, что Пузиков похоронили, не сняв с него перстней и золотого креста.

В темную летнюю ночь 1927 года Жоська и Ванька пробрались на кладбище и, отыскав могилу Пузиков, принялись копать. В гробу лежал совершенно свежий труп, даже без душка. Когда воры стали его обыскивать, труп вдруг вздохнул. Волосы дыбом поднялись у спецов „из духовного звания“. Ноги подкосились.

— Верую, господи...— прошептал Жоська и попытался.

— ...и испов-в-в-еду-ю-ю...— примкнул к нему Ванька.

— ...як-ко ты еси...— прошептали оба и пустились бежать.

По ошибке откопанный Жоськой и Ванькой Силантий встал рано утром из гроба и полусонный с полуоткрытыми глазами машинально вышел с кладбища на дорогу. Там он упал на траву и крепко уснул. Когда солнце поднялось повыше, Силантий проснулся, бодро вскочил на ноги и удивленно оглянулся кругом.

— Как это я к кладбищу-то попал?— спросил он сам себя. И с удовольствием заметил:— А ведь хворь-то прошла! И к фершалу теперь не надо итти!

Он потянулся всем телом, зевнул во всю ширь рта и пошел в Потылицу.

Что-то странное замечал Силантий вокруг себя. Почему-то местами выросли на голой земле кусты, березняк молодой возле самого кладбища стал зрелым дровяником, а на месте гривки барского леса оказалось поле, вширь и в даль покрытое розовыми головками клевера.

— Что я дорогу спутал, что-ли?— подумал Силантий, но, взглядевшись, убедился, что нет—идет верно.

Прошел еще немного, смотрит, что за черт?—на поле барина, графа Никудышина, где еще вчера колосилась рожь, пашет молодой мужик плугом. Две кормные лошади шутя тащат плуг.

— Бог—помочь,—потрогал картуз Силантий.—Новый работник у графа в эконومی что-ли ты, мил человек?

— Спасибо. Тпр-р-ру,—остановил пахарь коней и вопросом ответил: У какого графа, матери его бес? Какие нынче графья? Дурак ты или неумный?

— Откеле-же ты?—еще больше удивился Силантий.

— Светловский... Потылицкий попржнему-то. Свое поле ору.

— Что, мелет парень,—мелькнуло в голове у Силантия:

У самой деревни Силантий опять изумленно остановился. Еще раньше он слышал какое-то фырчанье. Сейчас он увидел, что фырчит серая машина на колесах, которая ползет по полю и тащит плуг, оставляющий четырехпластовый след из вывернутой коричневой жирной земли.

Машина отошла к дальней меже. Силантий решил не задерживаться, а скорее дойти до деревни, чтобы убедиться, что он не спит и не заблудился.

Оторопел даже Силантий. У самой деревни навстречу ему шла стройными рядами толпа ребятишек. Розовые веселые девченки и мальчишки весело шагали под дробь барабана, в который бойко колотил белоголовый карапуз. У некоторых из ребят на шеях были повязаны красные платки.

— Откеле это сопливые чемоданы-то эти?—спросил Силантий идущую с детворой девушку в городском платье.

— Из Никудышенского детдома,—ответила, улынувшись, девушка.

— Дед дома, дед дома...—недоуменно проговорил Силантий. Потом ругнулся и закричал:—Дед дома, а баушка игде? Чтоб вам повылазило!..

Деревню свою Силантий признал, хотя многое в ней изменилось за ночь. Псчему-то в Потылице оказались два флигеля из графской усадьбы. На одном вывеска: „Имба-читальня“, на другом —„Сельсовет“. Недалеке от них новый дом, на нем написано „ЕПО“. Непонятно.

— Фу, ты, батюшки! Телефон к чемуй-то провели,—развел руками Силантий, увидя столбы с электрическими проводами и пошел к своей избе.

Она мало изменилась. Только и есть, что около нее не стало прежней грязи да под окнами выросли три чистенькие березки, а на крыше поставил кто-то длинную палку с проволоками.

Вошел в избу Силантий и, не закрыв еще за собой дверь, вскричал:

— Жена! Щипни ты меня за ради Христа поздоровей!.. Сплю я что-ли?

— Чего вам гражданин?— подошел к Силантию парень лет восемнадцати.

— Где жена?—уже зло спросил Силантий.

— Извиняюсь, я неженатый,—осклабился парень.

— Тьфу, дьявол! Да леший мне с тобой, что ты неженатый!..

Где моя жена, Настасья?—я спрашиваю...

— Где это ты, срамник, самогону то нахлестался? Еще в чужу избу влез,—произнес с печи старческий голос, в котором Силантий сразу узнал голос матери.

— Мамаша! Да что-же это в самом деле? Где Настасья? Реб-тишки? Что это в избе? Лекстричество почему-то. Патреты понавешаны. А где образа? Божница игде—спрашиваю!

На Силантия тарачил глаза парень, мать с спрашивала свои белесые глаза; а он стоял растерянный и спрашивал:

— Да где же Настасья? Где жена?

Дверь открылась, вошла женщина. Изменилась Настасья, постарела—заметил Силантий, но все же сразу узнал.

— Силантий...—выдохнула она и села бесшумно на пол.

Вечером сидели за столом и пили чай.

— Не иначе, что вы, папаша, были в летаргическом сне,—говорил парень—сын Силантия, Николай.

— Да уж там в литургическом или ином каком, а вздремнул несколько—верно,—согласился Силантий и спросил: Так царя-то, говорите нет? И старшины и земского?.. Ну, а кто же замест их?

Пока рассказывали, совсем стемнело.

— Ну, вот, папаша, смотрите, как у нас горит лампочка Ильича,—повернул электрический выключатель Николай.

— Здорово!—одобрил Силантий: А что дорогая эта хреновинка что-ли, что своей не можете завести—у Ильича взяли?..

— Да нет, недорогая, папаша. Проспал ты—не понимаешь.

Пришлось объяснить. Заговорили о Москве.

— Да дай ему Москву то послушать,—сказала Николаю Настасья, как раз время, чай,—говорят.

Надели Силантию уши радио и оторопел он.

— Да неужто из Москвы говорят?

Бросил чай и слушал, слушал, как из Москвы учили кормить скот.

До ужина у Силантия был урок политграмоты. И когда отужинали, Настасья сказала:

— Ну, спать!.. И ты, чай, не высался... А завтра с утра в загс пойдем. Перепишемся в живые, да и зарегистрироваться уж надо. Потом посмотрим, чего в деревне у нас нового. Как скотинка у нас обустроена... Хлевы то теплые, кормушки устроены... Да сам увидишь...

* * *

На митинге в октябрьские торжества Силантию, уже совсем освоившемуся с новой жизнью, дали слово.

— Товарищи!—начал он. Как, стало-быть, я 10 лет проспалши, то, значит, и кровь за революцию не проливал. Пришел, выходит, на готовенькое... Мне оно туды-сюды... простить можно... А вот есть тут знакомые—и не спали, да проспали это время. К примеру, дядя Никифор. Бьет жену-то ведь и теперя. Вона она в синяках для красного дня. Вишь отвертывается Никифор-то. Понимает, что нехорошо, а того... бьет. Игнат Носков вон девуку свою не хочет на ликпункт опустить. Учить не хочет. Проспал, выходит, тоже... Молчи, молчи уж, Игнат... не оправдывайся! С бабы спросу меньше, а все-же не гоже и тетке Дарье самогону промышлять. Нехорошо. Брось, Дарья, верно тебе говорю... На личности говоришь не надо переходить?—Ладно. Обо всех стану говорить. Вот вы, мужички, когда и поворчите, матюгнете иной раз: то лесу вам мало, то налог велик. А я вам скажу, за были вы, что раньше имели. Я получше вашего помню. Расскажу пожалуй... Не надо? Ну, ин ладно! Да больше я и не буду вас журить. Это только к тому я, чтоб, значит, все эти остатки царизма изжить...

В общем и целом установка у вас верная, линию гнете, стало-быть, правильную. Восемиполье, там, клевер, трактор, пожарный сарай, машинное товарищество, мелиорация, электричество—все это есть, а надо еще больше... И получим, только пусть Дарья перестанет самогон варить, а Игнат дочку на ликпункт опустит... А Никифор, я знаю, перестанет жену-то бить!.. *Гр. Желтоусов.*

Кулак и Октябрь

1917 г. Советская власть, это власть на ДЕСЯТЬ ДНЕЙ...

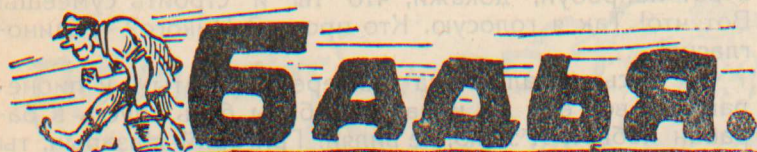
... Ну, скажем, на ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ...

... В крайнем случае НА ГОД...

1927 г. ...!!!!...

(Правдивая история).

Бабке Анисье сегодня что-то не спалось. Ворочалась с боку на бок, почесывалась изредка, охала...

В трубе, около которой спала бабка, завывал осенний пронзительный ветер, точно волк, или одичавшая собака, сорвавшаяся с цепи.

А на дворе мычала корова, которой, очевидно, как и бабке не спалось, или может быть ее донимал холод, пронизывающий сквозь щели ветхого дворика.

— Пойла что-ли бы горячего вынести, — думает бабка Анисья. Но ей не хочется расстаться с горячей печкой, которая так приятно греет тело, а кроме того лень возиться с пойлом. — А вынести надо-бы, — вновь вертится дума в бабкиной голове, — хучь для ради праздника. Только какой это праздник, коли нет звону...

Со двора послышалось мыкание, пронзительное, нудное.

— Прорва, — проворчала недовольно Анисья, — поспать не даст. Пойти напоить што-ли? А пока не торопясь спускала ноги на голбец, пока накидывала худой как решето зипун на старческие плечи, в голове волчком сверлила мысль: „Праздник советской завтрача. Коли не врет Неподист Прохарыч—большой праздник! Только врет, поди?“

Анисья спустилась с печки, охая достала посыпку, бросила несколько пригоршней в бадью, а потом эту посыпку разбавила теплой водой и понесла пойло корове...

Прежде чем поставить пойло корове, Анисья заглянула на улицу. На улице была невероятная темь. Только в одной избе-читальне мигал, то потухая, то вновь появляясь, огонек.

— Комсомольцы, видно, — подумала Анисья, — не спят, знают. Орудуют...

Старуху взяло любопытство. Она поставила на прищипки бадью и тихонько стала пробираться между грязных луж к „читалке“.

В читальне было необычайно людно, и всем, как увидела Анисья, хватало дела. Кто вырезал красные флажки, кто мастетерил древко и прилаживал на это древко кумачевое полотнище, кто стругал сосновую чурку для рамы под портрет, а кто читал книжку, бубня себе что-то под нос...

— Словно к пасхе или к рождеству готовятся, — подумала Анисья, — видно и в самделе большой праздник. Не соврал Неподист.

А пока Анисья подсматривала и подслушивала, сзади ее промелькнула быстро какая-то фигура и скрылась в дверях читальни.

* * *

— Вот, — проговорил запыхавшись вошедший Кузька, опуская бадью с мутным месивом на пол, — пошел было домой за мукой для клейстера, а мне он готовый рядом попался!

— Где это? — удивленно спросили ребята.

— Бабка Анисья, знать, пойло на крыльце забыла. Уж больно густо замешено — ваккурат будет, — ответил Кузька, вытирая рукавом пот.

Анисья от удивления разинула рот. Хотела было громко выругаться, но передумала. Хотела пойти в „читалку“, но передумала тоже... И снова застыла у окна.

Между тем в читальне закипела работа. Появился целый ворох картин и плакатов, которые стали густо намазывать бабкиной посыпкой и расклеивать на стены.

Кузька вертелся волчком. Взял бадью с месивом в руки и, встав на кривую табуретку, потянулся к потолку, чтобы наклеить плакат на стену. Но в это время табуретка треснула, Кузька сиганул в растяжку на пол и бадья со звоном ударилась о противоположную стену.

Бабка Анисья не вытерпела, выругалась:

— Поди, ведь, разбил подлец! Чтоб ему пусто было! Бадья-то совсем новенькая. И решительно было направилась в читальню, для того, чтобы отругать Кузьку. Но у самых дверей передумала и поплелась домой.

А с утра в селе началось что-то необычайное. Шагая дружно в ногу и громко стуча в барабан, по селу прошли пионеры. За пионерами шли комсомольцы, а за комсомольцами взрослые. — „Тьма тьмущая“, — заключила Анисья.

На площади все остановились. Начали говорить речи. Первым говорил председатель „сполкома“, Митрий Карпыч. За Митрием выступил какой-то „нездешний“, а после него Кузька.

— „Вот, подлец, сейчас брехать начнет, — подумала бабка, — а о бадье, небось, и думать забыл“.

Кузька взерошил волосы и начал:

— Товарищи! Сегодня, отмечая наши достижения, нельзя не отметить сознательность граждан нашего села, которые помогали проведению праздника, — Кузька передохнул. — Взять, к примеру, бабку Анисью...

Анисья насторожилась. Переступила с ноги на ногу. ...Бабка Анисья, сама того не зная, помогла устройству красного уголка в нашей читальне, который мы с вами сегодня торжественно открыли. Привет таким незаметным труженикам, несмотря на их старость!

* * *

Когда праздник кончался и уже снимались украшения в помещении, где была сельско-хозяйственная выставка, к Анисье подошел Кузька.

— А мы, бабка, у тебя бадью, признаться, сперли, да и разбили, — так мы тебе завтра новую купим. Не ругайся!

— Ладно уж! Знаю, — махнула рукой Анисья.

В. Латтев.

ОБЩЕСТВО
СОЮЗА РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ.

П А Р И Ж.

24 октября 1927 года.

№ 427.

Рабочим и крестьянам
Костромской губ.

Настоящим убедительно прошу рабочих и крестьян Костромской губернии немедленно выслать мне причитающиеся доходы по эксплуатации костромских льняных фабрик, так как я нахожусь в бедственном материальном положении. Деньги благоволите выслать золотой валютой.

Заранее приношу благодарность. Примите уверение в моем низжайшем почтении.

Бывший городской голова гор. Костромы, пайщик Кашинских льняных фабрик и директор *Шевалдышев*.

На подлинном рукой „Его Величества трудового народа“
написано: О Т К А З А Т Ы

Зачастую молодежь хулиганит только потому, что ей нечего делать. Самым верным средством против хулиганства будет каждое полезное занятие.

Приближалась десятая годовщина Октября.

В Больших Латках — как после мамаева побоища: как только смеркнется — на улице ни живой души. И даже коптилки в окнах не светятся.

Там глядишь — ворота с крыши снять не успели; здесь — вместо стекол подушки в рамы воткнуты...

А все почему? Хулиганье одолело! Ни проходу, ни проезду ни пешему, ни конному. Председатель с работы домой ходил по-за овинами, а в руках пару наганов на взводе держал. На что собаки-блудящие животные, а и те на ночь к овцам в хлев забирались: кому охота без хвоста или без уха ходить — прочие собаки засмеют.

Крестьяне председателю проходу не давали. Поймают в совете и ну напевать:

— И какая ты такая есть советская власть, что хулиганов унять не можешь? И вся-то твоя власть над печатью, пока и ее хулиганы не скрали.

— Чистый разор. Хоть с села уезжай!

Задело председателя за живое. И удумал он крепкую думу.

Наутро послал сторожа, созвал парней со всего села, а всем хулиганам отдельные повестки — по имени, по отчеству.

К обеду парни собрались в читальне.

— Все что ли? — спросил председатель

— Кажись, все!

— Так вот, граждане, какое дело. Созвал я вас не спроста. Скоро вот десять лет, как мы свободно живем, юбилей по всему Союзу будут справлять, свободу праздновать... А мы... Разве у нас в селе есть свобода? Вы поглядели бы этак днем на нашу жизнь, да на наше село. Нешто теперь село стало? В окопах лучше было! Где же видано, чтобы ворота на крыше, если им место на столбах? Где и какие люди смотрят через подушки?... А наша читальня? Одно слово, что читальня. Вот вы сейчас стоите — сесть не на чем? А где скамейки? А где столы? Вон Мишка Закладка ежится от холода, а кто окна повышибал? Библиотека — одни обложки. А нутро где? Скурили? Ночью на нашу улицу даже месяц взойти боится. Почему посиделок нет? Девкам косы с мясом поотрывали, да кофты цыгарками прожгли...

А почему все это? А потому, что неприпаенные вы, дела вам никакого нету. Вот руки и зудят. Так вот к празднику хочу я вам всем дело дать, чтобы вы баклуши не били и село не срамили. Начнем с главного. Вылазь-ка сюда, Петр Герасимыч!

Петька Вышибала — коновод и заводила всей сельской шпаны — даже поразилась: его ли это зовут, как степенного крестьянина — по имени по отчеству. Отчество он уж и забыть успел. Вылез вперед и мнется.

— Вот Петра Герасимыча рекомендую выбрать избачем!

— Избачем?! — как один, загрохотали парни. — Да он через два дня всю избу по бревнышку разнесет! Один фундамент останется!

— А это мы еще посмотрим! Ставни сшибать да у коровьих хвостов пучки соломы запаливать — мастер, — так пусть и на этом деле мастер будет. Ломать легко,

а вот попробуй, докажи, что ты и строить сумеешь! Вот что! Так я голосую. Кто против? Никого? — Единственно!

— Ваську Малинника выберем вожатым к пионерам. Не все ему по ночам в набаты бить, пусть в барабан побьет! Я знаю, не виляй! Григорий Назарыч, ты будешь руководом в кружке физкультуры, а ты Сеня — по музыкальной части: чтобы, кроме тебя, еще с полдюжины гармонистов к празднику было готово!

Сказано — сделано.

Работа закипела. Диву даются граждане, что с хулиганями сталось. Самый страшный атаман из читальни не вылезает. Своими руками все скамьи починил. Собрал со всех парней деньги да стекла вставил.

Не верили граждане затишью, да как тараканы стали вылезать из щелей. Через неделю все ворота на своих местах. Стекла в окнах появились. А собакам — раздолье: до зари гуляй беспрепятственно.

Пробовали некоторые парни бузу затирать, да остальные в момент в работу брали: за наказанье девкам под команду отдавали да, повязав голову повойником, заставляли полы мыть в совете да в читальне. Отучили.

Не жизнь, а малина стала в Больших Латках.

А уж праздник справили — на славу! Тут и посидки, и спектакль, и физкультура! Пионеры в барабан наяривают! А уж гармошки заливались — что твои соловьи, только и разницы, что холодно, да листья желтые...

А. Стобрацкий.

НЕ СКАЗКА, А БЫЛЬ.

На Октябрьские торжества в СССР приехали рабочие и крестьянские делегации из многих стран.

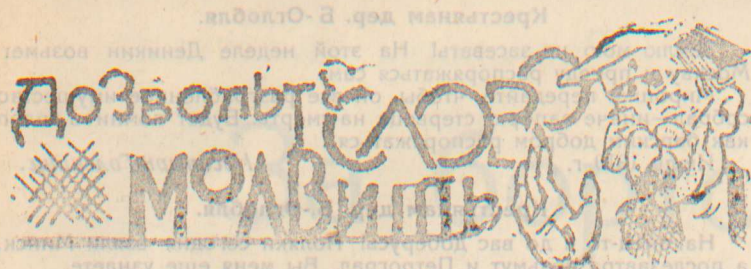
Через горы, через доли, через море-океан
Приезжают наши братья — пролетарии всех стран.

И не туда, да туда.

— Ну, и молодежь! — в октябрьский праздник в церковь идут...

— А куда же нам итти? У нас в церкви клуб.

„А—ТЬ“.

...Я очень даже приветствую революцию. И совсем на нас идет напрасное обвинение, будто мы являемся элементом, совершенно чуждым духу пролетарских завоеваний. Конечно, революция пошатнула наши устои. Но если разобраться в сущности, то революция у нас сделала изменения к лучшему, в смысле нашего жития то-ись... Вот скажу о себе. Жил я в то время в городе Петрограде, имел квартиру, прислугу, двух кошечек, цветы для оживления квартирного состояния, запасец варенья на предмет приема гостей, подрядчика кровельных дел Перепелкина, старшего дворника Иван Палыча с его супругою и еще отца Георгия, всеми уважаемого священника церкви Упоения на Кошачьих Горах.

Жизнь наша всем известна. И опять повторяю, что совершенно напрасна обвиняния, будто мы застряли в мешанстве.

Если сказать правду, то не будь нас — не было-бы и революции. Не обратись я тогда грубо с прислугой Дашкой (в дни революции герань разбила, дрянь эдакая), то может быть и революции никакой не было-бы...

С'едобного у нас не было. Доверяли мы великой победной войне и потому Дашка в очередях выстаивала. Только приходит она раз и говорит:

— Никаких круп нет...

— Как так?—вполне законно возмущаюсь я,—за что мы тебе деньги платим? Поим—кормим за что? Умри, а достань крупы. Потому как я без каши не могу.—Тут, конечно, супруга моя Анфиса Григорьевна по привычке вроде как за косы...

Повторяю, что боли от этого нет, а агитация есть. В слезах она пошла и выстояла целую ночь, а на утро пришла опять-таки без крупы, но с трофеем: две пуговицы от полицейского мундира. (Сейчас эти пуговицы хранятся на предмет воспоминания о прошлом).

Так вот. Через эту самую Дашку мы являемся передовыми участниками Февральской революции, следствие которой и Октябрьская революция. Конечно, Дашка теперь нам доказывает, что очень даже наоборот — мы остаемся в прежнем состоянии, то-ись ни туда и ни сюда. Каюсь, приходится иной раз и мучки припрятать... Но это на предмет войны. Береженого и бог бережет...

Так вот дозвольте слово молвить. Вам не безынтересно узнать мнение о революции, исходящее от меня, Павла Семеныча Кубышкина, бывшего делопроизводителя министерства юстиции.

С революцией я вполне согласен и солидарен. Платформа моя вполне соответствует настоящему духу времени: участвую во всех манифестациях и демонстрациях в качестве непереманного зрителя, являюсь одним из самых серьезных критиков распоряжений правительств и содействую работе милиции. Только на-днях послал заявление в милицию, что Егор Сергеевич, старый буржуазный чиновник, а ныне сотрудник уездного финотдела, в ночь на 27 октября устраивал именины по случаю рождения своей супруги. Устроено у них было шумное гулянье с вином и песнями, при чем была даже гитара. Я полагаю, что сотруднику такого важного органа, который вообще распоряжается деньгами, не к лицу устраивать буржуазные попойки. Милиция произвела расследование и вызвала меня, упркнув в личных счетах.

Но это не суть важно. Ну, ошибся. А вдруг-бы не ошибся. Вдруг бы там заговор...

Но я в милиции заявил, что со стороны Егора Сергеевича очень даже нехорошо, что он не пригласил меня. Милиция мне на это ответила:

— Это не наше дело.

Вполне согласен, что не дело милиции, но предупреждение должно быть.

Дозвольте слово молвить и насчет того, что я являюсь нужным для революции человеком. Мною уже доподлинно обоснованно, что через Дашку я принял непосредственное участие в

На октябрьских дрожжах.

— Вот времячко-то: всего только десять лет назад были ОКТЯБРИНЫ, а как мы уже здорово выросли!

революции. А теперь скажу, что опять-таки через эту самую Дашку я создаю советский аппарат. Вот как это я сделал:

— Дашка до служения у меня, жила в деревне у весьма бедных родителей. Не будь меня, она стала-бы по миру ходить. А нищие участия в советском аппарате не принимали-бы. Я вытащил ее в город и по случаю малого ее жалованья вызвал недовольство с ее стороны и приближение к большевикам. В борьбе со мной она ознакомилась с революционной литературой и при свержении временного правительства организовала всяких прислуг и нянек. Сейчас она является членом городского совета.

Отсюда все ясно. Так что мое участие в советском строительстве очень даже видимое.

Конечно, будь у меня больше энергии я сам пошел-бы работать в любой советский аппарат, но у меня, скажу откровенно, трусость эдакая есть... десять лет думал: вот-вот сшибут большевиков. Сшибут, узнают, что активно содействовал советской власти, и повесят. А мне этого очень не хочется. Я и это-то участие через Дашку скрываю, но при празднике нельзя не сказать о заслугах. Пусть меня повесят, что участвовал в советском строительстве... Пусть... Может потомство отблагодарит памятник на площади Красных Дней, нашего города Краснохолмска.

Крат Телеев.

У страха глаза велики.

„Зубовные“ частушки.

Если поле не пахать —
Поле засорится.
Если „Зуба“ не читать —
Нечем веселиться.

Не сули мне, мил-дружечек,
Ты сатиновый платок,
Лучше ты без проволочки
Подпиши на „Зубок“.

М. ГУСЕВ.

Деревня Архипино,
Красносельск. вол.

— Сейчас, батюшка, вся политика будет, как на ладони!
— Только выкинь, бабушка, эту червонную десятку: она мне очень нервы портит!

ИГРА ПРИРОДЫ.

Бык дал молока на 70 рублей.

Малафеево, Митинской вол. Кучка местных горланов нашла возможным получать молоко от быка. Продав без согласия общества общественного быка за 130 руб., горланы купили другого за 60 руб. Полученная разница в 70 руб. дала возможность получить изрядное количество „молочка от бешеной коровки“.

Манна небесная.

Сидоровское. Местному церковному старосте П. Дороднову выпало на 40 рублей манны с неба. Неверующие уверяют, что манна, в виде манной крупы, попала Дороднову не с неба, а из Сидоровского ЕПО и она негодна к употреблению. Последнее опровергается тем, что Дороднов продает манну по „божецким“ ценам.

Открытие делового кооперативного клуба.

Спас-Вежи, Мисковской вол. Местные кооперативные дельцы Лезин, Баталов и Романов, открыли возле поленицы деловой клуб. Пока клубом проводится кампания по поддержанию госуд. карточной монополии. Ставка на один кон—1 рубль.

Помощь бедноте.

Андреевское, Чухломской вол. Проводится широкая кампания помощи бедноте. Член налоговой комиссии, бедный И. Ф. Кукин, много страдавший до революции, благодаря тому, что был обременен хлопотами по управлению своими мясными и зелеными лавками в Петербурге, получил большую скидку с налога. Также получили льготы: дядя Кукина, И. Ершов, Е. Цыганова, Л. Гурова и др. бедняки, дающие займы хлеб и деньги.

Еще стрелковый кружок.

Шушкодом, Буйской уезда. Здесь организовался стрелковый кружок. Пока в кружке один член—местный поп. На вечеринке у дного крестьянина он производил учебную стрельбу из нагана. Злые языки, однако, передают, что поп был пьян, плясал и стрелял, только потому, что ему учитель не дал гармонь поиграть.

Извлечение зубов без дезинфекции.

Демьяново, Шушкодом. в. Председатель сельского кресткома и член сельсовета А. Н. Егоров, занимающийся лечением людей и скота, открыл зубоаппаратный кабинет с применением нового метода лечения—таскает зубы совершенно грязными и ржавыми щипцами.

Деловое совещание.

Колора, Мисковской вол. Уполномоченный деревни, он же избач недавно открытой избы-читальни, И. Головкин, тот самый который недавно валялся на улице под рогожей пьяный, устроил в избе читальне деловое совещание с двумя прибывшими сюда милиционерами и др. лицами. Выпито 1½ ведра.

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ.

Крестьянам деревни Большая Оглобля.

Что-же это вы, сукины дети, наделали? Кто это вам разрешил громить мою усадьбу и делить мои угодия? Обождите, хамье несчастное, приеду—всех на осинах перевешаю.
Ноябрь 1917 г. *Помещик Носопырь-Голенище.*

Крестьянам деревни Большая Оглобля.

Ну, что-дождались? Допрыгались!!! Через неделю с Колчаком в Москве будем, а там уж я вас достану. Я вам покажу, как делят барское добро! А тебя, Мирошка, сначала на конюшне одеру, а потом велю повесить.
Сентябрь 1918 г. *Носопырь-Голенище.*

Крестьянам дер. Б.-Оглобля.

Землю мою не засевай! На этой неделе Деникин возьмет Москву и приеду распоряжаться сам. Мирошке передайте, чтобы он все разграбленное имущество собрал—иначе заporю стервеца на-смерть. Будет помнить холоп как барским добром распоряжаться.
Июль 1919 г. *Носопырь-Голенище.*

Крестьянам дер. Б.-Оглобля.

Наконец-то я до вас доберусь! Поляки сегодня взяли Минск, а послезавтра возьмут и Петроград. Вы меня еще узнаете.
Август 1920 г. *Носопырь-Голенище.*

Деревня Б.-Оглобля.

Ну, как, не подошли еще с голоду? Если не подошли, так скоро подохнете! Не пойдет вам барское добро в прок, так и знайте. Обождите, скоро Николай Николаевич придет, так я вам покажу кузькину мать!
Июнь 1922 г. *Носопырь-Голенище. Франция.*

Франция, Париж. Носопырю-Голенище.

Ваше сият... (зачеркнуто), Товари... (зачеркнуто) Гражданин Носопырь-Голенище!

Отвечаем на все твои письма, так как ты бросил свою усадьбу на произвол судьбы, а у нас по земельному декрету теперича бросовых земель не полагаецца, то мы твою усадьбу взяли в колхоз и обрабатываем всем обществом коллективно.

Урожай нынеча очинно хорош. Даже послали пудов триста с деревни голодающим.

А теперича ты опиши нам: есть-ли у французов советская власть или нет? Если есть, то очинно хорошо.

И опиши ешшо: есть-ли у французов рабочие и крестьяне и нельзя-ли с ними устроить смычку?

Октябрь 1922 г.

Председатель Комбеда Мирон, дер. Б.-Оглобля.

Крестьянам дер. Большая Оглобля.

...Все равно советская власть больше года не продержится. Если у вас еще мое имущество не все продано, то продайте и пришлите мне сюда деньги (можно и советскими червонцами).

Кстати, похлопочите о том, чтобы мне вернули мою землю. Я буду жить своим трудом.

Апрель 1925 г.

Носопырь-Голенище. Париж.

Франция, Париж. Носопырю-Голенище.

Гражданин Носопырь-Голенище! Денег вам не пришлем. Мы бывшее ваше имущество продавать не думаем, а даже к нему прибавили своего много. Теперь наш колхоз—самый лучший по губернии. Землю вам вернуть тоже никак нельзя—на это есть земельный кодекс.

...А хлеба нынеча из годов. Урожай будет сам—шашнадцать, а то и боле. И клевера неплохи...

Зав. колхозом Мирон, дер. Б.-Оглобля.

Крестьянам дер. Большая Оглобля.

Нехорошо, товарищи-крестьяне, забывать своего хозяина и благодетеля! Ведь, помните, я для вас из кожи лез. Если можно, то возьмите мою усадьбу в аренду годов на пятнадцать и вышлите мне вперед деньги—я дорого с вас не возьму.

А может вам в колхоз нужен заведующий, так я мог-бы приехать? Только сначала договоритесь с властями. Жду денег и вашего ответа.

Апрель 1927 г.

Носопырь-Голенище.

Франция, Париж. Носопырю-Голенище.

Гражданин Носопырь! Вы, еще видно, плохо усвоили наш земельный кодекс. Никаких аренд земельных не допускается. Земля принадлежит только тому, кто ее обрабатывает своим трудом. Денег поэтому не ждите.

Заведующий нам не нужен. У нас есть свой—Мирон Потрович. Если хотите, так приезжайте—возьмем в пастухи. Уж очень у нас скота заведено при колхозе много. Думаем даже к десятилетию Октября племенной рассадник открывать.

Крестьяне дер. Б.-Оглобля.

Переписал Зубастый.

СЧЕТ ПО-НОВОМУ.

— Сколько лет твоему сынишке?

— Да что-ж—третий Октябрь справляет.

„А-ть“.

За бортом жизни

Октябрь на дворе...

Бороной по коткам.

Секретарь пьян—сельсовету из'ян.

Кому нравится такая картина, когда вместо секретаря в сельсовете пьяная образина?

Секретарь Давыдовского сельсовета, Гридинской волости, Михайлов, на заседания является постоянно пьяный. Однажды, явившись в таком виде, Михайлов вынес предложение сделать ему скидку по налогу.

333.

Нечего сказать — пьян да еще жуликоват. Проваливай-ка подальше от сельсовета, брат!

Один пьет, а двадцать один ждет.

У бушневского тракториста дело обстоит не совсем чисто.

Тракторист бушневской мельницы все время занимается беспорядочным пьянством, а от этого помольщикам приходится ожидать помола по неделе и более.

Глаз.

Долго крестьянам ждать, пока тракторист проспится. Не лучше-ли от него совсем освободиться?

Нашла на камень коса—милиция, получай адреса.

Известно всем, что шинкарство — огромный вред. Показываем милиции самый горячий след:

В деревне Сваино, Каликинской вол., занимаются шинкарством и самогонварением следующие лица: М. И. Кукушкина, А. А. Смирнова и В. И. Соколова.

Пусть милиция шинкарок пошевелит „малость“, что бы от шинков одно воспоминание осталось!

Перевод не птаха,—ползет тише, чем черепаха.

Верхоглядство да халатность многим приносят неприятность.

Из-за халатности почтовых работников перевод от Кеми до дер. Вихонино, Николо-Паломской волости, шел ровно месяц.

Вот и жди адресат денжат, когда они месяцами без движения на почте лежат.

Нарпит божий, а дела-то не очень гожи.

Очевидно, Федоровская милиция крепко спит, когда не видит, что у ней под боком самогонный „нарпит“.

В церковной сторожке села Никольского, Федоровской волости, существует начто вроде шинка. Там постоянно занимаются распитием самогона и вина местный поп, дячки и проч.

Хотя шинок церкви отчасти и сродни, но все же, милиция, туда загляни.

Живут понемножку — из кулька в рогожку.

Давно пословица говорится, что кукушку на ястреба менять — никакой пользы не видать.

Крестьяне деревни Лаптево, Сараевской волости, сломали пожарный лапай, а бревна от сарая употребили на починку моста.

Получилась история такая: есть мост, но нет сарая. А через год глядь — ни сарая, ни моста — может получиться вполне просто.

На призыве.

- По росту судя, мы пошлем вас в пехоту...
- А вы по клешу меряйте, — я и во флот гожусь!

Угодник.

- Председатель, ты что-же рядом с Марксом спастителя повесил?
- Чай, в совет-то разные люди приходят: партийные и беспартийные,—надо всем угождать!

Разговоры по душам.

Своему. Что вы нашли смешного в том, что крестьяне дер. Груздево, на 16 домов выписывают только три „Бороньих Зуба?“ Тут не смеяться, а вербовать подписчиков надо. А еще свой!

Гвоздю. Вы спрашиваете, какие к „Бороне“ будут бесплатные приложения? А вот какие: ежемесячный веселый журнал „Бороний Зуб“ и гарантия на получение всегда свежей газеты. Эти приложения получат все наши подписчики, подписавшиеся на газету и журнал одновременно.

Подписчику Кириллову. Вы пишете, что крестьяне деревни Улита третий год не могут покрыть пожарного сарая. Знаем мы об этом, да что поде-лаешь — Улита едет — не скоро будет.

Картавому. Неважные вы стихи прислали. Нет ни рифмы, ни размера, а кроме того ваши стихи идеологически не выдержаны. Не картавьте стихами, а пишите лучше прозой.

Карему Глазу. Почему „Бороний Зуб“ только раз в месяц выходит? Да очень просто — если каждый день выходить будет, то сапогов да одежек не напасешься.

Платкову А. В. Стишки вы нам прислали, они начинаются так: „Горит восток зарею новой“... Ну и пусть горит. Если это вам не нравится, то пожар ликвидировать пошлите вашу пожарную дружину, а кроме того эти стихи раньше вас другим поэтом написаны.

Блаженному. „Бороний Зуб“ справок по землеустройству не дает. Устроиться на службу или на работу через журнал тоже нельзя. „Зуб“ дает только веселый материал для чтения (подписная плата 10 коп. в месяц, с „Бороной“ на 5 коп. дешевле).

Не плюй в колодец.

— Вот аннулирую я телегу, на чем бы машину в починку предоставил!

Десять лет прошли.
Их нет.
Были радости, напасти...
Через новых 10 лет,
Знаем—справит целый свет
Торжество советской
власти!

Каждый чем нибудь да бьет,
Ну, а мы — одно скажу я:
Бьем десятым ОКТЯБРЕМ
Заграничного буржуя!!!

ПРОИСШЕСТВИЯ.

Взрыв на заводе.

Самогонщик Клим не рад — ходит день и ночь унылый: разорвало аппарат и милиция накрыла.

Кража.

Письмоносец с почтой шел, промочил в чайнухе горло. А пока он в чайной был — „Зуб Бороний“ свежий сперли!

Убийство.

На гулянку не пошли, а в читальне вечер были. Там „Бороний Зуб“ нашли — время весело убили.

Пожар.

Запылал любовью к Тоньке парень Ванька Каравай. Но она ему: — Не тронь-ка! Лучше „Зуб“ иди читай.

МЕЖДУ ДЕЛОМ.

РЕБУС

Задача слов.

Даны 11 самостоятельных слов. Приставьте к ним буквы и прочтите лозунг, который был выброшен т. Лениным и партией перед Октябрьской революцией.

- А С Л —
- Г Р А —
- О М А —
- Я Л В —
- Ж Р Е —
- И Р О —
- Н Е Л —
- А Б О —
- Б З А —
- А Р К —
- У З О —

Слова эти значат: 1) продукт питания, 2) что вы заставляете делать гармониста, 3) мужское имя, 5) сладость, 5) когда вы бросаете, то кричите другому (читать обратно), 6) чего много в мясе, 7) северное животное (читать обратно), 8) дает печатное слово, 9) найдешь в книге, в газете, 10) бывает на товаре и 11) чем гордится пролетарский студент.

Шарада № 1.

Начни меня читать с конца,
Я формой—с всякого лица,
Десятком продают меня,
Слог первый это буду я.
Второй с конца опять читай,
В лесу меня узнай,
Но иногда—я у пруда.
А целое—обычно прочитай,
И знай—я обороны часть!
Со мной сильна советов власть.

Шарада № 2.

Первое—плотника инструмент,
Отбросьте букву (ненужный элемент),
Второго у нас не подкупишь,
Он твердо устроил закон.
А третья—в азбуку вступишь:
Для Шарады не лишней он.
Четвертое—им дуплетом,
Три борта в угол крой.
Целое... Не секреты,
Пусть жужжит что рой—
Пусть он сосед даже с нами.
Когда-ж нас грызла вошь,
Мы кричали: „Даешь“.

Шарада № 3.

Полслова можно дергать, мять,
Трепать, вязать и тискать туго,
А для конца две буквы взять
(Они похожи друг на друга).
Получим целое мы враз,
Я откровенно говорю,—
Оно ценно всегда для нас—
Путь указало к Октябрю.

Г. Ж.

Разгадай-ка!

У одного крестьянина было три сына. Однажды отец и говорит сыновьям:

— Вот что, сыны: мне деньги до зарезу требуются, а у меня ни копейки нет. Придется вам всем завтра на базар итти продать куриные яйца, которых у нас десятка три лишних есть.

А наутро отец отправил сыновей на базар. Старшему дал 15 штук яиц, среднему 10, а младшему только 5. Поделил отец яйца да и наказал:

— Чтобы всем денег поровну принести и, по одной всем цене продавать!

Сыновья это сделали. Подумайте по какой цене они продавали яйца, и поскольку принесли денег.

Задача буримэ.

- знамен
- масса
- имен
- класса

Надо присочинить начала строк к данным рифмованным словам, чтобы получить стихотворение.

Задача.

Взять три слова, приставить к ним одну букву и получить союз.

Кто правильно решил задачи в № 9 „Бороньего Зуба“.

Головоломка. Решение: Из разрезанной на 8 частей фигуры составляется слово „ЭЛЕМ“. Решили: А. Мокрецов—дер. Иконниково и С. Кузнецов—Кронштадт. (Кузнецов не совсем правильно составил буквы).

Шараду № 1. Решение: А-эр(а)-план—Аэроплан.

Шараду № 2. Индус-три-а-Лиз(а) а (и) ция — Индустриализация.

Загадки-шутки. 1. Этаж-эр-ка—этажерка. 2. Сто-па—стопа. 3. Молоко—молоко. 4. Ворон-еж—Воронеж.

Шарады, загадки и шутки решил правильно один А. Мокрецов.

Ответы читателям.

Н. Байкину. Ваши решения задач в № 7 „Бор. Зуба“ запоздали. Необходимо присылать их до выхода следующего номера журнала. **Селькору № 101.** Тоже.

В. Голубеву. Задачи не подходят. Мы помещаем только такие задачи, которые нигде не печатались.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Со следующего номера журнала „Бороний Зуб“ за правильные решения задач, ребусов, шарад и пр. будут выдаваться премии.

РЕДАКЦИЯ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Кружки церковные продаются в любом количестве за ненадобностью, потому, что никто жертвовать не хочет, а кроме того крадут деньги часто.

Бобы и гуцу продам в любом количестве, ввиду закрытия предприятия. Знахарка Домна Куделина, село Поклонново.

Хлебное место передам желающим. Помимо жалованья из вика оно оплачивается крестьянством, которое любезно ташит фунты хлеба. Тюковский сельсовет, Верхнемежев. вол. Предсельсовета А. С. Сапунов.

Сахар В ЛЮБОМ КОЛИЧЕСТВЕ покупают самогонщики из многих деревень Каликинской вол. У них же можно получить по сходной цене бодрящий напиток „сахарный первач“.

Ищу места управляющего трактором или трактиром. Работаю на тракторе Коровинского волкредкома. Специальность—смазка горла сорокаградусной.

А. А. Кузнецов.

НОВАЯ ПОСЛОВИЦА.

— Не красна изба углами, а красна избачами

Дружеский совет.

Если хочешь посмеяться, не жалея рта и губ—
Постарайся подписаться на журнал „Бороний Зуб“.

Упраздненные Октябрем

ДЛЯ РЕБЯТИШЕК МОЛОЖЕ ДЕСЯТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА.

БОГ, он же „царь небесный“

ЦАРЬ, он же „бог на земле“...

Временный правитель Керенский

Помещик